

Посвящается М

Душистые плоды волшебного растенья
Они давали всем, как призраки глядя.
И каждый, кто вкушал, внимал во мгле забвенья,
Как ропот волн стихал, далеко уходя;
Сердца, в сознании всех, как струны трепетали,
И если кто из нас друг с другом говорил,
Невнятные слова для слуха пропадали,
Как будто чуть звеня во мгле безбрежной дали,
Как будто приходя из сумрака могил.

*Альфред Теннисон «Вкушающие лотос»
(пер. К. Д. Бальмонта)*

То священник придет и осмотрит, и если язва на
доме распространилась, то это едкая проказа на
доме, нечист он.

Левит 14:44 (Синодальный перевод)

ТРИ ГОДА НАЗАД

Это Сайлас придумал тащиться на погост. Мы закинулись еще у него в общаге, чтобы кислота успела дать в голову. К тому моменту, как мы подошли к кованому железному забору вокруг голливудского кладбища, все четверо были уже сильно под кайфом.

— Что мы творим, что мы творим...— все бесконечно бормочет себе под нос Амара,— что мы творим, что мы...

— Помянем ушедших,— шепчет Сайлас, первым перелезая через забор. Он просто перепрыгивает через высокие шипы, как олимпийский чемпион по расхищению могил. *Такое* преступление тянет на золотую медаль.

Бедный Тобиас, кажется, никак не поймет, куда ставить ногу. Его потрепанные «Вэнсы» постоянно скользят — прямо воплощение дохляка на детской площадке, у которого не хватает сил подтянуться на перекладине. Ему стыдно просить о помощи, и он отталкивает руку Сайласа всякий раз, когда тот ее предлагает.

— Я сам, я сам,— все бормочет он.

У дороги стоим только мы с Амарой, поэтому тянем руки к тощей заднице Тобиаса и толкаем.

ПРОЛОГ

7

Я буквально чувствую кости в его ягодицах. На мгновение складывается впечатление, что он взлетает, как летучая мышь, хлопающая крыльями в синеве неба.

Амара следующая. Она начинает визжать, практически насаживаясь на одно из ржавых копий. Мы все шикаем на нее, по крайней мере, пытаемся в перерывах между приступами смеха. Она перелезает через забор и падает лицом вниз. Я не могу разглядеть в темноте, как она приземлилась — Сайлас не разрешает нам включать фонарики на телефонах, — так что сначала волнуюсь, не расшибла ли Амара череп о надгробную плиту или типа того. Но она хихикает, как настоящая ведьма, катаясь по траве, так что с ней точно все нормально.

— Давай, Эрин, — зовет Сайлас. Он держится руками за решетку, почти просовывая между ними лицо. Будто заключенный, которого я пришла вытащить. — Твоя очередь.

Я не могу удержаться. Его лицо так близко. И губы так близко. Наклоняюсь и целую его через забор. На моих щеках остается ржавчина, размазывая макияж. Да уж, привет, столбняк.

— Боже, какая гадость, — театрально-громко шепчет Амара, — снимите уже себе гробницу.

Внезапно я начинаю паниковать: «Я не могу через это перелезть». А если оступлюсь и упаду на эти острые пики?

— Аккуратно, — отзывается Сайлас, — я тебя держу.

Он и Тобиас хватают меня за ноги, пока я подтягиваюсь на самую высоту. Представьте пирамиду

Клэй Маклауд Чэпмен. ПОЖИРАТЕЛИ ПРИЗРАКОВ

чирлидерш, где две гимнастки подкидывают меня в воздух, я выделяю самое офигенное сальто и приземляюсь четко на надгробие в стиле «Добейся успеха».

И ошибетесь. Я сваливаюсь прямо на задницу. Очень больно.

— Порядок? — нависает надо мной Сайлас.

— Кажется, я сломала бедро.

— Заживет,— отвечает Сайлас.— Хватай мою руку.

Сайлас говорит: прыгай на одной ноге.

Сайлас говорит: погладь себя по голове.

Потрогай нос.

...Сайлас не говорит.

Мы вчетвером идем по извилистому ряду торчащих как кривые зубы надгробий. Кладбище называется «Голливудским», потому что парочка уроженцев Ричмонда стали известными сто лет назад и вернулись только после того, как откинулись, уже в качестве трупов. Все рано или поздно возвращаются в Ричмонд. В основном здесь лежат дохлые конфедераты, но есть и парочка забытых звезд. Туристы фоткаются рядом с их безвкусными могилами — но сегодня, уже после закрытия главных ворот, единственные местные обитатели лежат на глубине шести футов, и все 135 акров этой земли принадлежат нам.

— За мной,— говорит Сайлас.— Смотрите под ноги.

Тобиас, как по сигналу, спотыкается. Никто и не сомневался. Он ни черта не видит и при свете дня, даже в своих огромных очках. Замените дневной

свет на лунный и добавьте несколько гранитных камней преткновения, и сразу поймете, почему Тобиас еле плетется.

— Куда мы? — не могу не спросить я.

— Увидишь.

Сайлас никогда не говорит, что задумал. Это же испортит сюрприз, так? У него есть сверхъестественная способность спланировать всех и заставлять делать практически все, что захочет, а больше всего на свете он хочет *бежать*. Его жажда жизни одновременно притягивает, захватывает и жутко изматывает. Кого волнует, что завтра утром нам на учебу? Нам же объяснили, что образование для идиотов. Сайлас говорит, что мы лучше остальных ослов-старшекурсников, и кто мы такие, чтобы спорить? Мне вот нравится эта идея. Сайлас прямо вышибает из головы запреты, помогает потеряться в моменте. Кататься на поездах в ночи. Уезжать непонятно куда и насколько. Шататься по плантациям с привидениями до тех пор, пока солнце не взойдет над заброшенными табачными полями.

«Город наш», — всегда говорит он. Четыре Мушкетера. Все за одного, и один за Сайласа...

Мы познакомились благодаря взаимному восхищению постмодернистскими авторами во время курса литературной мастерской в наш первый год. В основном, мы косплеили Пола Остера. Сайлас хочет быть Дэвидом Фостером Уоллесом, с банданой и так далее. Тобиас забил Делилло. У Амары нездоровая одержимость Пинчоном, поэтому она выбрала его. Сайлас сказал, во мне есть что-то от

Клэй Маклауд Чэпмен. ПОЖИРАТЕЛИ ПРИЗРАКОВ

Летема, но я его не читала. *«Давай без эго Эггерса,— сказала я, надеясь прозвучать многозначительно.— Я стану первой в мире Эрин Хилл».* Литературный мир был нашей устрицей, и с Сайласом я чувствовала себя черной жемчужиной.

— Меня что-то укусило,— стонет Амара, хлопая ладонью по голому плечу. Видимо, дошло, что это неподходящий наряд для расхищения гробниц.— Далеко еще?

— Почти пришли.

— Может, уже скажешь, куда мы идем? Меня тут жрут заживо.

— Терпение,— отвечает Сайлас.— Самое лучшее достается тем, кто ждет..

Херувим на колонне поворачивает ко мне голову как раз в тот момент, когда я прохожу мимо. Я застываю, чтобы убедиться, глядя на пухлого голенького младенца с хрупкими крыльшками. Его размытые глаза моргают в ответ.

О, хорошо, мне это не почудилось. Приятно знать.

Каменные черты отшлифованы десятилетиями дождей и ветров, превратившими лицо в серую плоскость. Но веки все еще остались, моргающие над двумя каменными шариками, похожими на тухлые яйца. Надгробие слишком маленькое для взрослого.

«Ооо, черт... Тут похоронен ребенок». Я сказала это вслух? Сложно судить наверняка. Я провожу рукой по надгробию, обводя кончиками пальцев каждую букву, словно читаю шрифт Брайля:

ЛОННИ НАДЛЕР. БОЖЬЕ ДИТЯ.

ПРОЛОГ

11

— Эрин? — Сайлас берет меня за руку, вырывая из мыслей.— Все хорошо?

— Да.

— Точно?

— Ага.

— Не улетай,— просит он и тянет за руку через неровный ряд могил — и в моей голове, и про себя, по крайней мере, мне так кажется, я повторяю: «*Не улетай, не улетай, не надо*».

Надгробия так и танцуют. Мрамор продавливается. Статуи поворачиваются, когда я прохожу мимо. С таким же успехом они могли бы отбивать чечетку, размахивая зонтиком...

ЛЮБИМАЯ ЖЕНА. С ЛЮБОВЬЮ. ОН УШЕЛ СЛИШКОМ РАНО. ТЕЛО МЕРТВО, НО ДУША ОСТАЛАСЬ.

Мне просто надо успокоиться. Глубоко дышать. Не психовать.

— Что мы творим,— повторяет Амара,— что мы творим, что мы творим...

«Мы расширяем личные границы,— наверное, мог бы сказать Сайлас.— Мы живем на полную. Мы превращаем город в личную игровую площадку, воем на луну». Но он молчит и тихо ведет нас мимо прыгающих могил.

Тобиас не издает ни звука. Не вылезает из своей раковины. Сразу видно, кислота ему не помогла. Не хочу знать, какой фильм ужасов сейчас показывает его сознание.

Но мне плевать. В моем мире есть только я и Сайлас. Он держит меня за руку. Он ведет меня — мой вечный лидер. Я даже не уверена, что мои

Клэй Маклауд Чэпмен. ПОЖИРАТЕЛИ ПРИЗРАКОВ

ноги касаются земли. С таким же успехом я могу быть воздушным шариком. Моя рука — веревочка, и Сайлас бежит по кладбищу, пока я качаюсь на ветру.

— Пришли,— говорит он.

Останавливаемся перед мавзолеем, который выполнен в странной помеси масонского и египетского стилей. Бетон покрыт сорняком... нет, забудьге. Это краска из баллончика. Приходится прищуриться, чтобы разобрать, что там нацарапано. Да и все равно искаженные слова не хотят застывать, поэтому я могу их прочитать. Удастся разглядеть лишь...

ВОССТАНЬ, ФАНТОМ РИЧМОНДА, ВОССТАНЬ!

Ворота в гробницу должны быть закрыты — правда? — но Сайлас без проблем их открывает, петли поддаются с ржавым скрежетом, который эхом разносится по всему кладбищу.

— Хрена с два,— говорит Амара.— Я туда не пойду. Там пауки!

— Тогда жди снаружи,— отзывается Сайлас.— Стой на стреме.

Мавзолей так и проглатывает его. Следующим, словно потерянная тень Сайласа, просовывает голову Тубиас, стараясь не задеть головой дверной проем.

«Подожди меня,— наверное, сказала бы тень Сайласа,— подожди-и-и!»

Амара смотрит на меня. На этом этапе нашей дружбы мы усовершенствовали экстрасенсорные способности, общаясь друг с другом исключительно мозговыми волнами.

ПРОЛОГ

13

Ты правда собралась туда идти? — спрашивает она глазами, ее голос громко и ясно звучит в моей голове.

Ну-у... наверное, да? Мы ведь зашли так далеко.

*Какого хрена, Эрин? — явно недовольна она.—
Серьезно?*

Идем со мной!

Нет, ни за что.

Ну и ладно. Лохушка.

Я ныряю в мавзолей и сразу же чувствую падение температуры. Холод так и обволакивает. Просачивается сквозь кожу, проникая до самых костей.

У меня есть минутка тишины, пока Сайлас и Тобиас строят планы, а Амара снаружи осталась с сотнями спящих трупов прямо у нее под ногами.

Я делаю то, что и всегда в такие моменты: достаю из кармана маркер и нахожу на стене свободное место. Житель этого мавзолея простит мне одну маленькую надпись, учитывая бесчисленное множество других. Некоторый парочки оставляли свои имена: ПОЛ + ХАННА НАВСЕГДА. Кто-то просто рисовал пентаграммы. Кто-то оставлял левые слова и фразы: ЗОМБИ. УРА СТРАШИЛКАМ. ОХОТНИКИ ЗА ПРИВИДЕНИЯМИ.

Мой вклад, по сравнению с этим, относительно прост:

ЗДЕСЬ ЭРИН

В настоящем времени. Не прошедшем. Я оставляю частичку себя. Я всегда буду здесь.

Клэй Маклауд Чэпмен. ПОЖИРАТЕЛИ ПРИЗРАКОВ

— Господи, как хо-о-олодно,— пищит за мной Амара. Она не может долго оставаться одна. Она это знает. Я это знаю. Сайлас *точно* это знает. У нее не выходит быть в одиночестве. Амара подходит сбоку и обвивает руку вокруг моей, сильно дрожа.

— Соскучилась?

— Всегда,— заверяю я. Мы, сгорбившись, шагаем на сеанс Сайласа.

— Садимся в круг,— командует он.

Он даже принес свечи. Ну еще бы. В его рюкзаке целый магазин сверхъестественных примочек. Сайлас достает всю необходимую атрибутику и переходит к делу.

— Я не собираюсь сидеть на чьей-то могиле,— огрызается Амара, и на этот раз я не собираюсь с ней спорить. Вокруг шуршат и щелкают насекомые. По моей ноге ползет километровая многоножка, и не слезает, сколько бы раз я ее ни стряхивала. *«Я иду к промежности,— шепчет она, извиваясь.— Да-да-да, берегись!»*

— Да ладно,— говорит Сайлас, возвращая меня к реальности.— Мистер Пул не будет против.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Не слышала о У. У. Пуле? Некоторые зовут его ричмондским вампиром, но это все бред. Он просто фантом.

Фырканье Амары эхом разлетается по всему склепу.

— Прости,— добавляет она,— но что такое фан... как-то там...

— Фантом. Тот, кто застрял между живыми и мертвыми.

ПРОЛОГ

